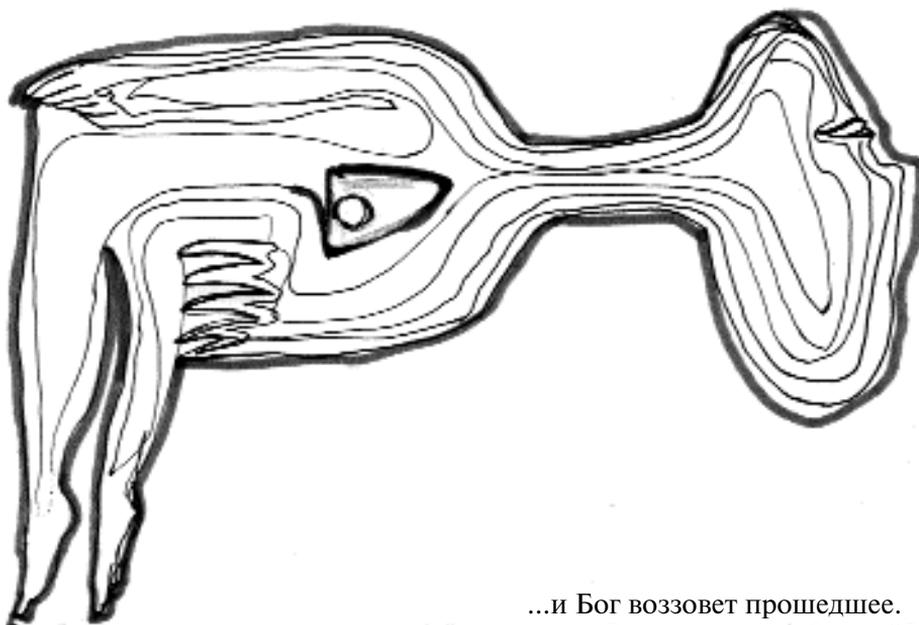

Усталость Сюзерена

...и Бог воззовет прошедшее.
Экклезиаст, гл. 3, ст. 15.

Храм был полностью разрушен. Вероятно, это сделали варвары, хотя не исключено, что постарались и простые любители. В просторном склепе находилось семьсот гробов. Кто-то низверг статую Иисуса Навиева; ее электронные потроха были разбросаны по полу. Некогда сияющие глаза святых слепо взирали со стен. А на дворе утро рассыпалось по улицам, до краев заполняя их незавершенными снами, и мне все казалось, что я явился сюда по несчастливому стечению обстоятельств. «Ты приди, моя смерть, и удалюсь я, моя жизнь», — так было сказано в писании тритонян.

Эпоха, эпоха... Ты кишела неохристовыми сыновьями и неоеретиками. О да, великое множество их было... когда-то — до Нового потопа. А ныне — лишь мертвенность окрест.

Я встал напротив леса погасших электроканделябров. Грозно молчали гробы. Я знал, что в одном из них лежит ОН. Но в каком именно? Быть

может, в том, что с потрескавшейся политуры? Или в этом, с разохшимся от старости окладом? Разгибернетизированные, с впавшей кожей мумии источали удушливый запах кремниевоег фимиама. В каком из вечных костюмов ТЫ? В каком?.. Я щелкнул пальцем пластмассовую птичку под разрушенной аркой, и она запела: «На дворе опять свинцовый дождь пошел...» До чего же трогательно, боже мой!

Я настороженно оглядывался: не дай бог выскочит навстречу какой-нибудь жестяной болван, припершийся сюда со Звездного перекрестка. Уж я-то знаю: нет ничего свирепее робота, в чью башку столетия назад бунтари — анархисты основательно вдолбили, что первого же встречного гуманоида следует тут же превратить в месиво физических стоимостей. Я спустился в подземелье, затопленное водой. То и дело мимо проплывали ключья перфорированных листов с

цифровыми записями. Полнейший хаос. Склоняясь над водой, ты рискуешь упереться взглядом в расплывшееся, словно медуза, лицо утопленника, которое непременно подмигнет тебе. Я старался не нагибаться. За исключением тех случаев, когда приходилось высвобождать зацепившуюся за арматурные прутья одежду.

Говорят, в стародавние времена люди, расставаясь, желали друг другу доброго здоровья. Не знаю, может, так оно и было. В мое — то время уже иные слова вылетали сквозь вырез конопляного капюшона: «Чтоб тебе медленно гнить!» Когда же родилось это пожелание? Думаю, это было очень давно.

Я осторожно прошел между бурлящими водоворотами мерзкой жижи, обильно выплевываемой канализацией, по которой шествовал Повелитель туннелей со свитой жаб, уродливых леших и водяных.

Прости, Пресвятая Троица, но правдива ли притча тритонян о Варухе? Подобно мне, одиноко бродил он в безнадежных поисках того, к кому мог бы обратиться свое пожелание: «Умри быстро и без мучений!» Но никого не встречал он, — так и греб, сидя в корыте своего гроба и отчаянно взывая: «Боже! Ну где же ты, Боже?» — «Я здесь, — отвечал с купола затопленного собора Сюзерен. — Чего тебе надо, последний из живых?» — «Меня окружают мертвецы! Не хочу я этого! — кричал Варух. — Устал я! Убереги от твоего плена, Господи! Ниспошли мне живых, не оставляй подыхать в этой мерзкой вони! Кто же после меня будет славить тебя? Или по сердцу тебе слова: «Чужое несчастье — есть хорошо!» Сюзерен задумался. «Ладно, — изрек он. — Дам тебе жену, но большего не требуй!» Он вырвал самое нижнее искусственное ребро Варуха и собрал из него Теву. Прошло десять лет, вернулся Сюзерен и видит: Варух снова один. «Где твоя жена, человекоподобный?» — спросил Сюзерен. «Я убил ее, Боже!» — сознался Варух. Но не выглядел он взволнованным. «Почему же так, сынок? Почему, творение мое?» — запричитал Сюзерен, по-

трясенный деянием своего чада. «Надоело! — спокойно отвечал Варух. — Десять лет жил я с ней, познал ее с головы до пят. Надоело! Разве можно жить десять лет с одной женщиной, которая изо дня в день становится все болтливей?» — «Молчи, несчастный! Не годишься ты в мученики! — возмутился Сюзерен. — О чем же ты просишь меня сейчас?» — «Дай мне много людей, Боже, и смотри, что сделаю я! — начал уговаривать его Варух. — Пошли меня в любую страну, хоть в рай, хоть в ад, но где есть люди — скопцы, поглощенные прениями, или страстолюбцы, обратившиеся в желания, или мясники, утонувшие в крови! Лишь бы их было много!» — «Да будет!» — изрек Сюзерен.

Минуло еще десять лет. Варух уже жил в стране тритонян — единственной, уцелевшей после страшных наводнений, ниспосланных, по мифу, Богом.

И опять явился Сюзерен, но что он видит! Колонопреклоненный Варух отчаянно молится. «Что стряслось, дитя мое?» — сдвинул брови Сюзерен. «Пожалей меня, Боже, не хочу я более пребывать в этой стране, уведи меня отсюда!» — «Как же так, чадо мое? Не ты ли на коленях вымаливал множества?» — «Прозрел я, Боже, на этот раз точно прозрел, правду тебе говорю. Увидел хитрость, силу и глупость, удручающую глупость среди сродных мне душ. Чужой я здесь, среди стольких человекоподобных не могу себя обрести! Уведи меня — это последнее, о чем молю тебя!» — «Эх ты, бедолажный получеловече! — горько вздохнул Сюзерен. — Тебе нигде не будет хорошо».

Такова притча о тритонянах. И не знает, услышавший ее, — плакать ему или заливаться смехом...

Я и не заметил, как очутился под куполом. Дождь, окрасивший все в свинцовые улыбки, перестал бить по стенам. Вот здесь, дружок, ты и найдешь свою бесславную погибель, сказал я себе. Легенды, легенды... Все сплошь легенды да басни. Какой в них смысл, если они не дают ответа на

главный вопрос: что же он такое, этот Сюзерен — говорящая коробка или живой человек? А может, и вовсе дух? Если верить учениям покойного Пюйлике, самому страшному из оружий мироздания было дано имя Сюзерен. И по сей день тысячи рвущихся к власти героев стремятся овладеть этим абсолютным оружием победы. А что оно такое — плазменная торпеда, луч деструкции, антиматерия? Никто этого не знает. А еще поговаривают о каком-то жутком проклятии Сюзерена. Ну, это-то понятно: в таких делах без проклятий не обходится. И мертвецы есть, и обманувшиеся — победителей вот только нет, удачливых игроков.

О, как мне хотелось верить, что явился я сюда не ради Сюзерена! Во всяком случае, не только ради него. Там, где сингулярность раздавливает все разумное; там, где, замкнутый в движении, по эллиптике бежит Создатель; там, в середине чудовищного круга, где суггестивная творческая сила и мощь Бога несут страдания; там я жаждал найти не Сюзерена, а живых существ. И все-таки... Меня искушала мысль о взаимосвязи легендарного проклятия с реальностью, скрывающейся за ним. И более всего дивился я: чья же дерзкая рука осмелилась вывести наглые слова?!

Среди тел, в зверинец прибывших...

Любопытное начало. Приход в зверинец означает рождение. Это-то понятно. Ветхая полузабытая шутка, образно интерпретирующая истину: не достигнет цели даже тот, кому это предопределено, — если он еще не родился или успел преждевременно погибнуть. Смушала, правда, пренебрежительная интонация. Ясно, что слово «тел» употреблено в особом смысле.

...и овладеет мною тот, кого случайность приведет.

Но где Его найти? Не говорит.

Наступит час в линии времени...

Никакой информации, ровным счетом ничего о направлении временного — пространственных трансформаций — прямая, кривая, спираль или замкнутая линия?

*...в мире потускневшей веры,
когда безнадежность надежду не-сет...*

К сожалению, следующая строфа отсутствовала. Ага, а вот здесь явно появляется будущий хозяин Сюзерена:

*Новопришедший все открыл. Ко-
рабль он
в воздух любовью подымет...*

Окрест валялись обломки разбитых космических панцирей, дряхлые скелеты ионолетов и дирижаблей, неподвижные звездные драндулеты и прочие нечтолеты. Но который из них мог взлететь и почему именно с помощью любви? Сплошной туман! Неопределенно сказано и о судьбе нашедшего Сюзерена:

*И пойдет Он, наконец поняв,
что вечно спасенья не достиг,
а лишь спасение, которое уходит,
Затаившись в чьем-нибудь невиди-
мом сердце,*

Он даже на имя свое непохож.

Да уж, толковать разрозненные и абстрактные строки — занятие безнадежное. Не по силам это мне, но даже если бы и мог, все равно избегал бы соприкосновения с Сюзереном. Поскольку не верил, что между ним и Создателем есть нечто общее. Не верил я и в то, что Сюзерен — оружие. Я вообще ни во что не верил. Сюзерена не было и быть не могло (надеюсь, Творец не прочитал мои мысли).

Другое я искал. И, скорее всего, то, другое, лежало преспокойно в одном из гробов и отдыхало. Я уже привык к тому, что все мои идеи обрастают сомнениями, но если карты, свитки и диаграммы не лгали, значит, Создатель находится где-то здесь и смотрит на меня сквозь закрытые веки.

Я устал ждать, устал искать.

— Выходи! — закричал я, не держав. — Хватит прятаться, я знаю, что ты рядом! Я пришел разбудить тебя! Встань и выйди! Что ты за Создатель, что за Спаситель, если сам не в состоянии подняться?

Он молчал. Наверное, прислушивался к своему разуму. Если только он наделен им.

— Затаился в своей норе! — вы-

крикивал я. — Замкнулся в себе, спишь! Что, спокойной жизни захотелось? А искусственный тебе подобный род вымер от глупости, которой ты одарил его! Или тебе уже безразличны твои создания? Думаешь, дал им все для того, чтобы они жили? Конечно, пусть себе дохнут, если хотят, так?! Небесный негодяй, бастард звезд, не боюсь я тебя! Ну же, покажись и взгляни на последнего живого! Варух пришел!

Я услышал, как крышка одного из гробов скрипнула, сдвинулась и с грохотом упала.

Он приподнялся — в человеческом облике, понятном мне. Он был ужасно бледен.

— Во-о-от, рассеялся твой сон... — выдохнул я тяжело.

— Не кричи так, голова болит! — пробормотал он.

Я и не подозревал, что боги тоже страдают от головной боли. Мои соболезнования!

— Прости... — выдавил я. — Ты ведь не Сюзерен, правда?

— Нет, я не Сюзерен, — скромно ответил он. — Я всего лишь Создатель.

Гробовая тишина в подходящем для нее месте. Но я быстро пришел в себя.

— А что тогда Сюзерен? — спросил я. — Он — уничтожение?

— Можешь его и так назвать, — засмеялся Творец. — А можешь и Оружием победы. Дело вкуса.

Меня охватила дрожь нетерпения.

— Но я вижу, — продолжал он, — ты не из-за Сюзерена притащился сюда. Что-то другое тебя интересует. Давай выкладывай.

— Много народов умерло...

— Знаю. Что разум искал, то и нашел. Так, кажется, вы говорите? Это искаженный вариант нашей поговорки: как аукнется, так и откликнется.

— Я один! Ты понимаешь — совсем один! Даже камни рассыпаются от скуки!

— Я могу дать тебе соратника, — улыбнулся он, и на его бледном лице улыбка казалась неестественной. — Больше не полагается. Раз ты пришел

сюда... Нашел меня... Выбирай — женского или мужского рода подобного себе желаешь?

— Ж-женщину! — выдавил я робко. — Да, конечно же, женщину!

— Гм-м... Ладно, дай-ка мне одно из твоих ребер!

Я вырвал ребро из грудной клетки, вытянул через эластичную синтетическую плоть тканей и подал ему.

— Боже...

— Ну, говори?

— Это ты создал родные пустыни... и скалистые горы... Ты?

— Нет, не я. Все это смоделировал мой отец, — ответил он. — Я человек и всего-то наделил жизнью тебя искусственного. И тебе подобных. И веру дал вам тоже я. Но вы искалечили ее, потому что научились ее толковать.

Женщина была готова. Моя Тева. Он поставил ее рядом со мной и, посмотрев на меня пристально, сказал:

— И в роду Адама были нищие, но с чего-то нужно начинать... А там, где Ева, нет Девы. Послушай... обещаю тебе кое-что!

Сегодня я был готов обещать все, что угодно.

— Обещай, что никогда больше не станешь приставать ко мне с расспросами и будить меня! Если понадобится, я сам к тебе снизойду! Хорошо запомнил?

И вздохнул — тяжело-тяжко.

— Боже, а правда, что есть страна, где уцелели многие из подобных мне и живут там счастливо?

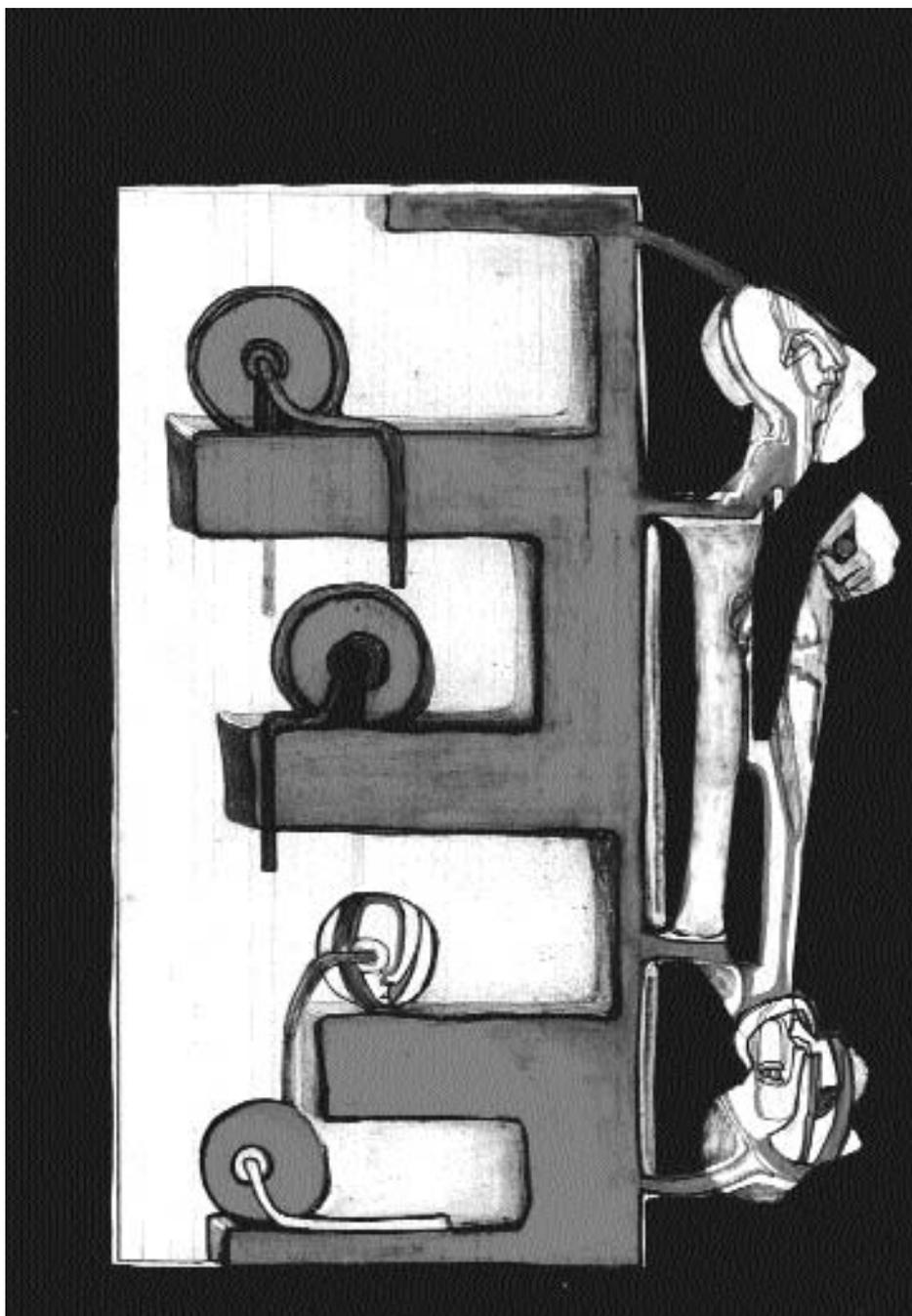
— Ты о тритонях спрашиваешь? — нахмурился он. — Ах, какой же ты ненасытный, паршивец этакий! Хочешь, чтобы я тебя к ним послал?

— Где эта страна, Боже? Я и без тебя туда дойду! Укажи только путь.

— Пойди завтра спозаранок на северо — запад, переплыви Озера горьких слез, а затем обогни каменный Лес теней. Не останавливайся семь дней.

— Спасибо тебе! Я всегда буду прославлять имя твое!

— Хм, для кого? Меня забыли! — он поудобнее расположился в гробу. Опять собрался отдыхать.

— Боже... у меня еще вопрос...
— Ох... говори! — прорычал он из кивота.
— А правда, что тот, кто владеет Сюзереном, будет владеть страной тритонян?

— Так вот зачем ты меня искал?
— Нет!
— Тогда и не спрашивай!
— Хорошо. И последнее: что тебе снится, Господи?
— Море. Годами мне снится не-

объятное море. Может быть, океан. Тихо плещутся волны, и иногда над ними скользит хищная птица.

— Вот как? — я разволновался. Наверное, сенсоры барахлят.

— Да, так. Я вижу, как птица привлекает из волн кусок суши... Суша. И вот на ней после трех жарких лет выросло огромное дерево. Очень — очень большое дерево, зеленое, с распустившимися листьями. И по веткам его гуляют звери, а наверху, на самой вершине, живут... разумные существа.

— Они... искусственные создания, Боже? — спросил я осторожно, окаменев от изумления.

— Нет, — ответил он, прикрыв глаза. — Они люди. Человечи.

Я обнял мою Теvu за плечи. И двое на цыпочках вышли из храма.

— Тева?

— Да? — отозвалась она.

Значит, говорить может. Я глубоко вздохнул.

— Орудие сильных — Сюзерен. У кого он есть, тот и будет властвовать над тритоньями. Они обитают в землях на северо-западе.

— Ты же сказал, что пришел не ради этого?

— Я соврал, — огрызнулся я. — Но теперь думаю...

Хм, в самом деле, что за мысли роились в моей голове — такие тревожные, беспоконные? Я хлестнул воображаемой плетью моторный центр Брока в левом полушарии мозга, чтобы успокоиться. «Корабль он в воздух любовью подымет...» — было сказано в проклятии. Но почему в воздух?! Должен быть вакуум! Космолеты перемещаются в эфире! Может, речь идет о плавательном судне? Вряд ли где-то поблизости есть реки. Но даже если и есть, то все равно их русла слишком узки... «В воздух подымет...» Не о взрыве ли идет речь? Да нет! Насколько я знаю, взрыв все равно отправит разум в безвоздушное пространство. Значит, в проклятии говорится только о начальном этапе полета, вылете космического лайнера. Наверное, это связано с поисками Сюзерена. Ну и текст!

Тева вперилась в меня своим стеклянным взглядом. И вдруг я ощутил в себе бесконечную силу. Да, теперь я был могуч, но она не знала этого.

Случайность помогла мне обнаружить этого лентяя, называвшего себя Создателем. А могла бы и помешать. Но не помешала.

Случайность преподнесла мне информацию, как управлять нечеловеческим. На нем можно добраться до страны себе подобных. Всего в ста быстрых шагах отсюда находится кладбище кораблей. И один из них придет в движение, потому что уцелел. Ему не хватает только силы, что должна клочкаться в энергопроводе. Эту силу он черпает из... любви. Ну да! Половая энергия, либидо вдохнут в него жизнь и поднимут в небо! Ха! Все, как в этих стихах! Да кто же всерьез смотрит на любовь в неуютном, таком нечеловеческом мире? Кто буквально воспринимает сумасшедшее предсказание? Естественно, я! — одномерный человек, оказавшийся в щекотливой ситуации. Элементарно, Боже! Препоклоняюсь перед идеями твоего разума, потому что ты не просто мудрый мужчина, а Сюзерен, который властвует над этим непрерывно исчезающим миром.

Я привлек Теvu к себе.

— Ты меня любишь? — крикнул я.

— Но... — прошептала она.

— Никаких «но»!

— Я робот. Мои системы чувств и ощущений...

— Они хороши, — сказал я воодушевленно. — Знаю, они хороши! Не переживай — ведь моя природа тоже нечеловеческая, а ты мой клон! Людей давно нет! Уже двести лет их нет, неужели ты не знала? Ты — часть меня, ты создана из моего ребра. Я всего лишь похож на человека!

Я снял шапку, скинул шарф и пальто. Стянул имитацию плоти с конструкции моего лица. Полная демаскировка.

— Взгляни на меня! Видишь? — возвестил я торжественно. — Симпатичный неоеретик, сектант решительного тринадцатого поколения Никуса. Так нас и называли — решительны-

ми! Мы были чувствительны, несмотря на то, что не были совершенными биомеханизмами, и только боль была неведома нам. Поняла? Я не мутант и даже на трансплантаты не гожусь... Когда-то множество разных существ топтало эту землю...

Я обнял ее.

— За благо нашего рода, за расу новых повелителей!

— Ну, раз это для блага... — смирилась она. Светлое грядущее рода всегда было в особом почете в женском сознании.

Ей — богу, мы занимались любовью! Я прижал ее под собой, не уверенный — собственным восторгом был объят или ненавистью, но знаю, что мы сделали все необходимое и даже больше. Мои сенсоры трещали и пищали, заржавевшие от длительного бездействия. Ничего, я их разморозил.

Где-то за моей спиной хрипло отозвался двигатель. Я побежал к металлу. Тева — за мной.

Опустившись на сиденье пилота, Создатель, казалось, поглотил меня своим блуждающим взглядом.

— Отодвинься! — приказал я строго. — Ты не Сюзерен моих желаний! Уступи мне свое место!

— Ладно, — неожиданно легко согласился он. — Но не рвись вперед, проглядишь самое важное...

Я чуть не присел от удивления, когда заметил их: вокруг металлического корпуса корабля были разбросаны скелеты тритонян — уничтоженные друг другом, поломанные, изорванные, пожравшие себя, подобно скорпионам. Но зачем, почему так?

Из грудной клетки близлежащего смертника Человек извлек странную штуку — лезвие с ручкой.

— Что это? — прошептал я недоуменно, предвкушая приближение неизбежного ответа.

— «Когда пламя злой энергии потухнет (а энергетическая погибель закончит черный путь свой,) тогда и сильным будет Сюзерен!» — донесся до меня, будто сквозь сон, тихий человеческий голос. — Этой строфы тебе не хватало, верно? На самом деле,

это не мое предсказание. Так говорили прадеды. Итак, энергетическое оружие нескольких ваших генераций однажды окончательно пришло в негодность и... покрылось прахом забвения. Повсюду — разруха. Вот он, взгляни! Это и есть Сюзерен! Мы называли его ножом, финкой, кинжалом... Но это было так давно...

Сюзерен в грудной клетке — затаившись в чьем-то сердце!

Сюзерен — повелитель оружия.

Высочайший кортик — Он даже на имя свое не похож!

Ну-у-у, лентяй!

Создатель молча подошел, протянул руку и вонзил в мой живот лезвие до самой ручки, потом провернул Сюзерен во мне.

Я осознал, что он повредил меня.

— Что ты делаешь? — изумился я. — Ты хочешь погубить меня?

— Нет, мы оба знаем, что я тебя создал... — он грустно улыбнулся. — Значит, ты починишь свои системы и снова будешь... хм... здоровым. Сюзерен твой! А вот с ней, — он указал на Теву, — ты поссорись, когда будешь взбешен собственным бессилием: если не сегодня, то не позднее, чем через год. И тогда на прощание она из самых добрых чувств пожелает тебе бесконечно медленно гнить на грязном пустыре. Потом уйдет... А я собираюсь это сделать прямо сейчас.

И он пошел.

— Боже! — вскричал я вслед ему. — Я все равно доберусь до тритонян!

И вдруг я обнаружил, что он полностью меня разрезал своим оружием — пополам. Ноги мои подогнулись, и я развалился на две части. Ну ничего, злорадствовал я, Тева меня соединит. Может, через год или два она меня и покинет — в то далекое мгновение, когда я буду сильным. Но не теперь. Сейчас она меня любила.

— Ты не найдешь никого из живых тритонян. Нет их больше. Они уничтожили себя. — Ко мне прикоснулся голос уходящего Создателя. — Я тоже солгал тебе.

— Ты?! Ты мне солгал?! — просто-напросто. — Ты обманул... пречистый Бо-

же! Теперь я не верю в тебя! Для меня ты больше не Бог!

— А я и не считаю себя Богом, — его речь, синкопическая из-за расстояния, постепенно затухала. — Да, среди моих предков было немало изобретательных авантюристов... Но ты... ты не пахнешь Землей! Прислушайся к себе. Неужели ты думаешь, что абсолютный Демиург кибернетических приматов способен вдохнуть жизненную силу в такое создание, как ты? Не славы и гимнов, но смачного пинка в зад заслуживает твой настоящий Творец! Или тебе неизвестно, что тритоняне и в самом деле отличались от действительно послушных подобий человеческого рода? Тритоняне-самозванцы, амбициозные искатели неизвестно чего, притащившиеся бог знает откуда, вечно бегущие неизвестно от чего и кого... и алчущие власти, а в то же время слепо верящие в тексты моего покойного прадеда Пюйлике, который был, насколько мне известно, натурой поэтической. До сих пор я не могу понять, что подтолкнуло их к действию. Возможно, тритоняне сообразились могуществом, которое мог им дать Сюзерен. Им хотелось верить в его существование. И они верили. Но слишком быстро превратились в свору изнуренных, отчаявшихся бедолаг, ищущих, подобно тебе, иллюзорный рай... Уходи с Богом, и я не буду тебя спрашивать, откуда ты пришел!

Затянувшаяся игра притворщиков завершилась, а вместе с ней — и мое исследование особенностей психики сапиенс.

Человече, почему ты так поспешно ушел? Ответь мне, что же случилось с твоими собратьями? Когда я посетил их пару веков назад, они все еще суеливо шустроили тут и там! Куда и почему они ушли, отчего вдруг их планетолобивый дух предал забвению свою маленькую колыбель?

Мои интегральные схемы вскипели, я не смог совладать с охватившим меня бешенством, и пришлось выделить немного машинного масла, чтобы успокоить мои бедные нервы.

Скорее всего, рано или поздно я найду путь к многочисленным и, вероятно, приятным на вид сюзеренам. Моим личным сюзеренам.

Жажущие бесценных новых знаний, они не захотят услышать, как порой бывает больно их созданиям, — после того, как эти создания получили право на скорбь.

Мне следовало бы вернуться в клоаку, из которой я выбрался, чтобы совершить второе кругосветное изыскание. Но уйти нужно достойно — без фейерверков. Ибо далеко от Земли, где-то за десятком двойных звездных систем и десятью парами галактик Маркарян, компактные, диффузные и наркотические, изрешеченные белыми дырами, как заячьими хвостиками, изнуренно протягивают свои спиралевидные конечности красные перемещения галактической цепи Ве-Ве-622 и звездного скопления Дезинсекции. О да, именно там моя родина, там мои создатели с нетерпением ждут возвращения своего шарнирного исследователя — налогоплательщика, психоискателя, окрещенного Аванпостом 17839ХК-Це, и свихнувшегося в закрытом космосе. А теперь, как оказалось, еще и убитого горем тритонянина. Да, в скрижалях законов словосочетание «в связи со смертью» давно заменили более политкорректным термином «демонтаж». Обратная дорога и оптимистический доклад... Неужели я не могу изменить установленный порядок?

Я с трудом попытался приподняться.

— Тева, поддержи это чуждое мне тело! Так мне лучше.

Да, теперь я могу расшифровать печальную концовку. Сказано было в предсказании, которое я принял за миф:

И пойдет Он, осознавший наконец, что вечного спасенья не достичь, есть лишь спасение, которое уходит...

Осмотревшись, я оставил надежду. Теперь у меня было все, чего я добивался — и власть, и любовь. Страшное оружие было в моих руках. Наконец-то! Право же, не будь я последним во-

ином на этой обезлюдившей земле, я бы решил, что могу завладеть ею. И властвовать.

Машинально я протянул руку и вонзил свое орудие для отнятия душ в ближайшее дерево.

— Я возвращаю его тебе, Боже, — вздохнул я с сожалением. И мысленно излил поток гнуснейшей брани, устремившейся в самое сердце скопления Дезинсекции.

Ранним утром следующего дня мужчина и женщина направились к блестящим Озерам горьких слез, чьи воды притянули к себе пересохшие ручьи-артерии, напоминавшие гибких змей, шипящих в направлении северо-запада, где, если верить песням покойного Пюйлике, все еще росли яблони и отяжелевшая от ягод ежевика. Разнузданный солнечный ветер гневно выл где-то высоко — в астральной утробе нахмурившегося эфира. А внизу, окруженные невидимыми магнитными вихрями, брели к своей

непонятной, почти нереальной цели два едва различимых создания.

Иногда эти двое останавливались и начинали смеяться непонятно над чем, не замечая беспорядочных руин вокруг, останков разумного, но почившего в бозе дела. И снова они шагали, и снова останавливались, дабы распять на кресте скуку. И дорога впереди казалась бесконечной, какой и должна быть любая уважающая себя дорога. Куда они шли, куда придут? Неизвестно. Но написано в мудрейшей из книг, автор которой вовсе не покойный Пюйлике:

Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его.

Так же, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?*

*Перевели с болгарского
Красимира Петрова и
Евгений Харитонов*

**Экклезиаст, гл. 4, ст. 10 — 11.*

ОБ АВТОРЕ:

ЧОЛАКОВ Янчо Стаматов (29.08.1967). Один из лидеров интеллектуальной фантастики Болгарии Янчо Чолаков родился в 1967 году в Бургасе. Окончил филологический факультет Софийского университета. Основатель и главный редактор одного из первых в Болгарии издательств, специализирующихся на фантастике «Офир» (Бургас), удостоенного премии «Гравитон» (1997), как лучшее жанровое издательство года.

В печати дебютировал в 1984 г. с нефантастическим рассказом «Труп в Асансьора»; как писатель-фантаст дебютировал с рассказом «Маленький экран» (1989). Фантастические новеллы Чолакова, одного из самых глубоких творцов и ярких стилистов новой болгарской фантастики, тяготеющего к апокрифической (библейской) тематике в НФ интерпретации, публикуются как в мейнстримовской, так и в жанровой периодике, включены в все основные антологии национальной НФ. Выпустил две книги фантастической прозы; его сборник «История Одинокого солдата» (1995) — первый образец в болгарской литературе жанра «альтернативная история».

Янчо Чолаков — лауреат призов и премий журналов «ФЕП» (1989), «Космос» (1989), «Фантастика» (1990), Национальной премии «Гравитон» (1997) — за издательскую смелость.